

- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74 – 89.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Б.и., 1977. – С. 3 – 51.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю.** Могильник скифского времени Тыткыскень VI // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 64 – 66.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – С. 43 – 81.
- Хазанов А.М.** Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – № 3. – С. 89 – 96.
- Эрдэнэбаатар Д.** Хурлийн уеийн шинэ олдворууд (Новые находки бронзового века) // Археологийн Судлал. – 1995. – Т. 15, Fasc. 4. – С. 39 – 52.
- Ягодин В.Н.** Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 83 – 89.
- Bokivenko N.A.** Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. – Sankt-Petersburg: Institute of history of material culture Russian Academy of sciences, 1994. – P. 48 – 53.
- Kubarev V.D.** Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchäologische Quelle // Eurasia Antiqua. – В.: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1996. – Bd. 2. – S. 319 – 345.
- Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N.** Ulangom: Ein skythenzeitliches Graberfeld in der Mongolei. – Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1982. – 173 S. – (Asiatische Forschungen; Bd. 77).

Материал поступил в редколлегию 12.02.02 г.

УДК 903.27

Л.Н. Ермоленко¹, Ж.К. Курманкулов²¹ Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: museum@kemsu.ru² Министерство образования и науки Республики Казахстан,
Республиканское казенное предприятие "Институт археологии имени АХ. Маргулана"
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Республика Казахстан
E-mail: kurmankulov@nursat.kz

СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ ЖИНИШКЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВИДА КЫПЧАКСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Введение

Внешний вид распространенного в казахстанских степях сооружения с изваяниями еще в начале прошлого века описал И.А. Кастанье: "Очень часто в верхней части кургана проделывают углубление, напоминающее воронку, в которой иногда находят одну или несколько баб" [1911, с. 10]. Однако исследование подобных сооружений началось лишь с конца 70-х гг. XX в. [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985]. Сооружения со скрытыми в насыпях изваяниями отнесены Л.Н. Ермоленко к кыпчакским "святилищам", представленным четырьмя основными типами [1991]:

1 – в камере, образованной стенами четырехугольной каменной ограды, вкопано одно или несколько (в один-два ряда) изваяний. Над оградой с изваяниями возведена насыпь; 2 – к сооружению типа 1 с запада примыкает каменный "курган" большего размера; 3 – на поверхности каждого из двух небольших, расположенных по линии север – юг возвышений, прослеживается четырехугольная каменная выкладка. Все сооружение обведено ровиком. Изваяния стоят на поверхности, в выкладках; 4 – одно или несколько (в один ряд) изваяний установлены с восточной стороны каменного "кургана".

В 1990 г. авторами статьи было исследовано сооружение с изваяниями на р. Жинишке (Центральный Казахстан). Святилище было частично перестроено, но по остаткам оригинальной конструкции его можно отнести к сооружениям типа 1. В нарушенной части святилища найдено раскрашенное

изваяние. Уникальная находка позволяет поставить вопрос о первоначальном виде изваяний кыпчакского облика.

Описание святилища с изваяниями

Сооружение с изваяниями располагалось в 700 – 800 м к юго-западу от сопки Кызыл-тюбе массива Кызыл-Арай (Казахстан, Джезказганская (ныне Карагандинская) обл., Актогайский р-н). Оно было возведено на правом высоком берегу Жинишке, на мысе в месте впадения в реку безымянного притока (рис. 1). На этом же участке находится позднее казахское кладбище.

До раскопок сооружение имело вид задернованного каменного кургана диаметром около 11 м, высотой 0,6 м. Местами камни лежали на поверхности. Западную полу кургана опоясывала гряда камней шириной до 2 м. С северо-востока насыпь ограничивалась углублением шириной до 2 м, глубиной около 0,2 м; по юго-восточному ее краю рос кустарник. В средней части кургана стояло пять изваяний, возвышавшихся над поверхностью насыпи на 0,2 – 0,7 м. К северо-востоку от изваяний в насыпи отмечена выемка глубиной до 0,2 м.

Раскоп площадью 196 м² был ориентирован сторонами по странам света и имел две осевые бровки. Под дерном расчищена разрушенная конструкция из плоских камней неправильной формы. Размеры камней: от 10 × 20 × 5 до 30 × 60 × 10 см (рис. 2)*.

* Полевые чертежи и рисунки изваяний выполнены художницей О.П. Черепановой.

Каменная конструкция размерами 11×13 м имела овальные в плане очертания, вытянутые с северо-востока на юго-запад. В центральной ее части прослеживались три стенки каменной ограды вокруг изваяний. Ограда была ориентирована осью с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Камни внутри и вне ограды располагались хаотично. Они, вероятно, принадлежали разрушенным верхним слоям ограды. Напротив предполагаемой северо-восточной стенки ограды в окружающем развале камней отмечена лагуна.

При снятии дерна и расчистке каменной развала найдены фаланги и зуб нижней челюсти лошади, нижняя челюсть с зубами и обломки ребра мелкого рогатого скота*. Возле юго-восточной оконечности развала обнаружен кованый железный гвоздь (рис. 3, 2). В южной части внутреннего пространства ограды под дерном залегали нижний конец плечевой кости мелкого рогатого скота, каменный диск-пряслице (рис. 3, 3), куски истлевшей древесины. На поверхности юго-западной стенки ограды лежал неорнаментированный фрагмент керамического венчика сосуда ручной лепки (рис. 3, 1). Черепок в изломе черный, содержит мелкую слюду.

После удаления развала выявилась конструкция каменной ограды – массивного, почти квадратного ($5,6 \times 5,8$ м) сооружения со скругленными углами (рис. 4, 5). Ширина стенок ограды 1,2 – 1,6 м, наибольшая сохранившаяся высота 0,5 м. Ограда возведена из плоских гранитных камней, уложенных слоями. В кладке насчитывалось от двух до шести слоев, перемежавшихся с твердым серовато-коричневым земляным заполнением толщиной до 0,6 см. Первоначально ограда была замкнутой, но позже в ее северо-восточной стенке пробиты проход шириной около 1 м. При этом верхние слои кладки по сторонам от входа были разобраны, а большие плиты нижних слоев разбиты. В северной части профиля север – юг напротив входа в ограду отмечено мощное нагромождение камней, видимо, выброшенных из стенки.

Стенки ограды образовывали камеру размерами $2,8 \times 3,0$ (?) м. В перемешанном пестром заполнении

* Здесь и далее остеологические определения Т.Н. Нурмова.

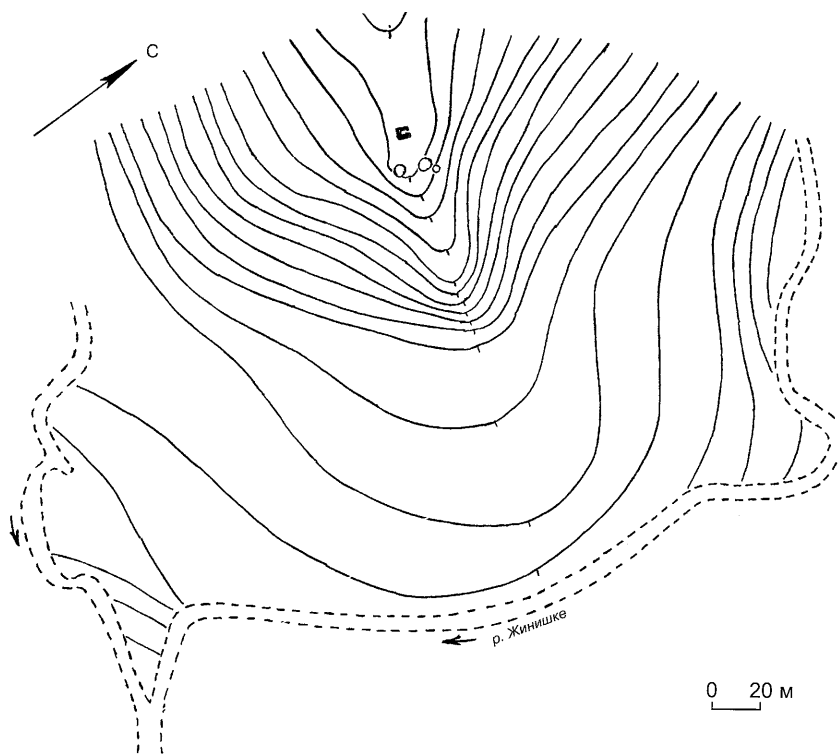

Рис. 1. Ситуационный план сооружения с изваяниями на Жинишке. Сечение горизонталей 1 м.

камеры встречались угольки, древесная труха, зола. В южной половине камеры заполнение было рыхлым, гумусированным, содержало песок.

В процессе выемки заполнения камеры были расчищены изваяния, установленные двумя рядами. Изваяния 1, 2 и каменный останец (разбитого изваяния?) стояли примерно по линии север – юг лицами в восточном направлении. Изваяния 3 – 5 были вкопаны почти по линии северо-запад – юго-восток и ориентированы лицами на северо-восток. В заполнении камеры на глубине (+24) см* около изваяния 4 найдена синяя “пастовая” (стеклянная) бусина (см. рис. 3, 5).

На дне камеры на глубине (+5) см перед изваяниями 3 – 5 выявлено расплывчатое белесое пятно. Здесь находилась яма неправильной трапециевидной формы, вытянутая по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры ямы $1,3 \times 1,7$ м, глубина 0,5 – 0,6 м. Западная и восточная стенки ямы имели небольшой наклон, южная была почти отвесной, а северная пологой. Заполнение ямы – светло-коричневое с угольками и древесным тленом; изредка в нем встречались камни. В верхней части ямы, на глубине

* За “0” принята низшая нивелировочная отметка на борту раскопа.

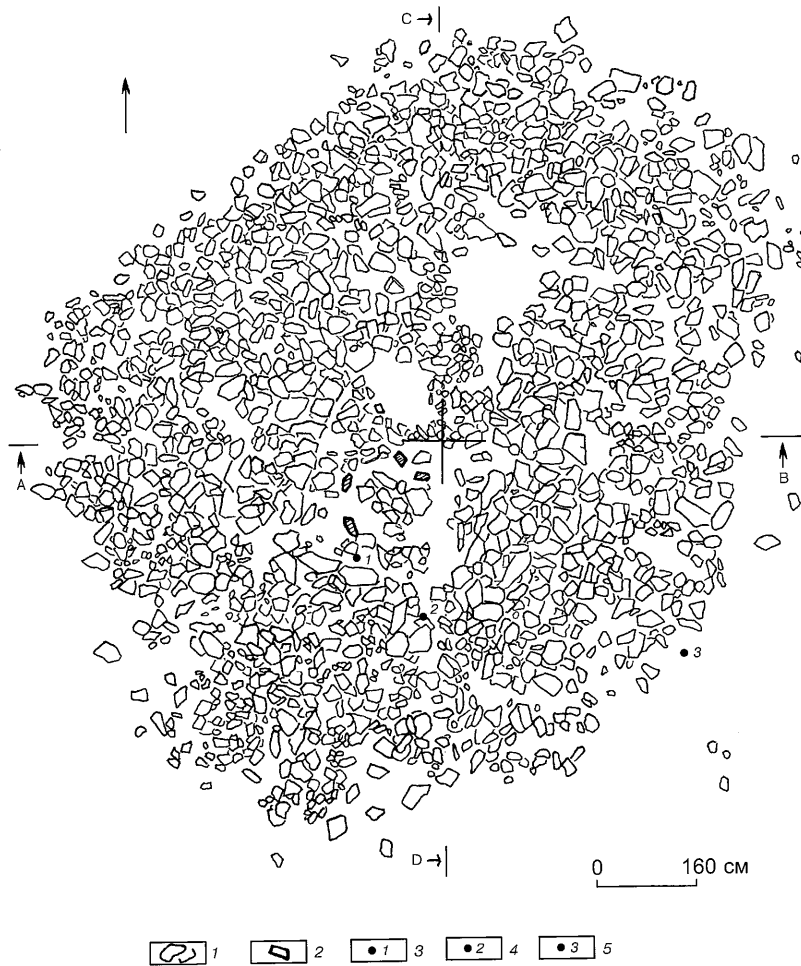

Рис. 2. План сооружения с изваяниями на Жинишке после снятия дерна.
1 – камни, 2 – изваяния, 3 – каменное пряслице, 4 – фрагмент керамики,
5 – железный гвоздь.

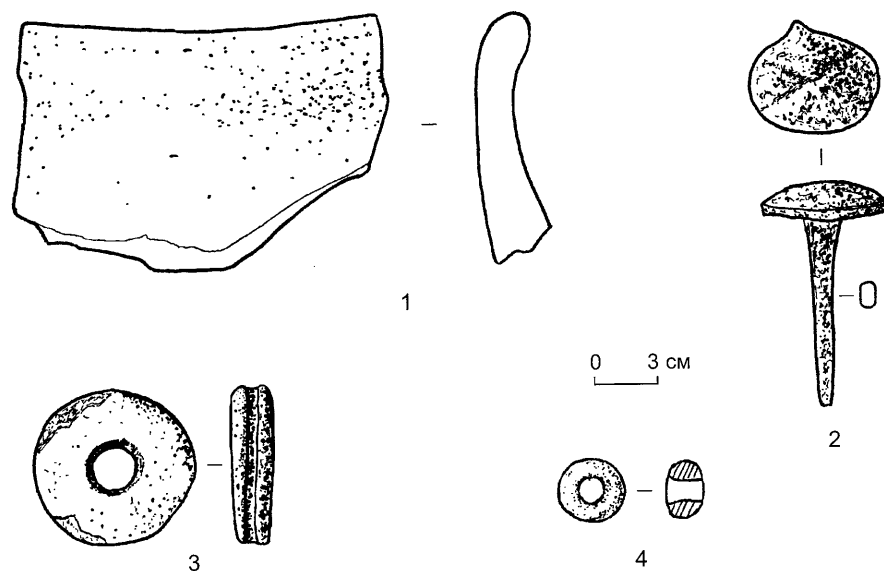

Рис. 3. Находки из святилища на Жинишке.

1 – фрагмент керамического венчика, 2 – железный гвоздь, 3 – каменное пряслице, 4 – синяя стеклянная бусина.

(– 4 ... – 9) см обнаружены фрагменты крупных костей конечностей молодой особи лошади (нижний конец и головка бедренной кости, берцовая кость) и куски истлевшей древесины. На дне ямы зафиксирована сажистая прослойка. Яма выкопана после того как в северо-восточной стенке ограды был пробит проход, т.к. северные очертания ямы заходили под реконструируемую внутреннюю границу ограды. Таким образом, яма, равно как и проход в ограде, свидетельствуют о вторичном использовании сооружения.

Изначально сооружение состояло из сплошной ограды с изваяниями внутри нее. Причем ограда, по-видимому, была построена на предварительно выровненной поверхности на подсыпке. Камеру с изваяниями вскоре после возведения засыпали (иначе вряд ли бы сохранилась раскраска на изваянии 2). Над оградой была сделана насыпь, участки которой просматривались на профилях (рис. 6). Ограду окружал ровик, также различимый на профилях. Кроме того, его следы фиксировались на уровне материка в виде темной полосы шириной около 1 м,

проходившей на расстоянии до 2 м от ограды. Полоса прерывалась на севере и отсутствовала на юго-востоке*.

Центральным компонентом сооружения на разных этапах его существования были изваяния. Каждое из них заслуживает особого рассмотрения.

Изваяние 1 (рис. 7, 1). Гранит. Размеры: $174 \times (35 - 38) \times (16 - 20)$ см. Изображение человека с опущенными руками. Черты лица стилизованы. Брови и нос слиты в одну рельефную фигуру. При этом концы бровей неестественно удлинены так, что почти достигают уровня рта. Линия носа продлена вверх и выступает над бровями. Рот обозначен углублением. Очертания головы напоминают островерхий убор. С левого плеча на грудь спускается рельефная полоса. Кисти рельефных рук не детализированы. Примерно в 30 см ниже рук поперек лицевой грани проходит выступ. Выдается живот, особенно заметный в профиль.

Изваяние 2 (рис. 7, 2). Гранит. Размеры: $143 \times 25 \times 20$ см. Изображение человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Черты лица стилизованы. Брови образуют общий рельеф с носом. Глаза и рот переданы маленькими овальными углублениями, монголоидные скулы – рельефом. Верхняя часть головы высокая, фигурно оформлена с боков и тыльной стороны грубыми сколами. Руки на передней грани изваяния и горшковидный сосуд изображены барельефом. На тулове сосуда углубленными линиями намечены пальцы. Ниже рук с сосудом нарисован черной, желтой и красной краской передник с волютообразным узором (рис. 8). На боковых гранях выбиты дуговидные уши (левое – с точкой внутри) и контуры рук с тыльной стороны.

Изваяние 3 (рис. 7, 3). Гранит. Размеры: $146 \times 27 \times (15 - 19)$ см. Трапециевидная в среднем сечении глыба. Изображение головы и женских признаков пола на торсе. Брови и нос стилизованы почти так же, как на изваянии 1, однако брови, выступ над переносицей и полоса, оконтуривающая нос, выполнены углублением. Щелевидными углублениями показаны глаза и рот. Верхняя часть головы высокая, сужающаяся, грубо

* Не исключено, что следы ровика могли быть нарушены на севере в ходе переделки сооружения. На юго-востоке они не прослеживались, возможно, из-за произрастающего здесь кустарника.

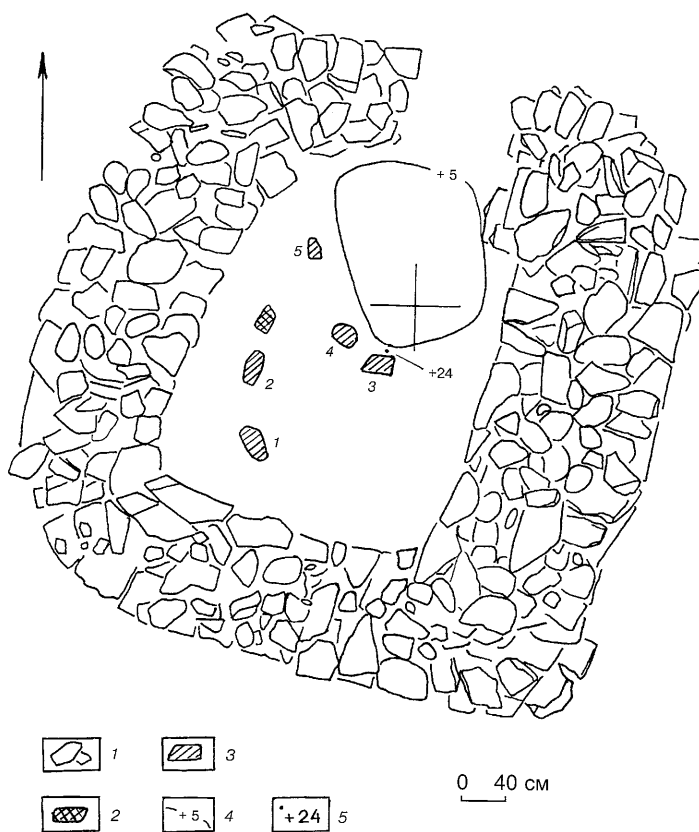

Рис. 4. План ограды с изваяниями на Жинишке. 1 – камни, 2 – изваяния, 3 – каменный останец, 4 – границы жертвенной ямы, 5 – стеклянная бусина.

Рис. 5. Святилище на Жинишке. Вид с северо-северо-востока.

оформлена сколами. В верхней части торса имеется естественный выступ, наподобие женской груди. Нижняя граница живота обозначена углублением по линии бедер (пах). Выступ на тыльной стороне изваяния соответствует выпуклости седалища.

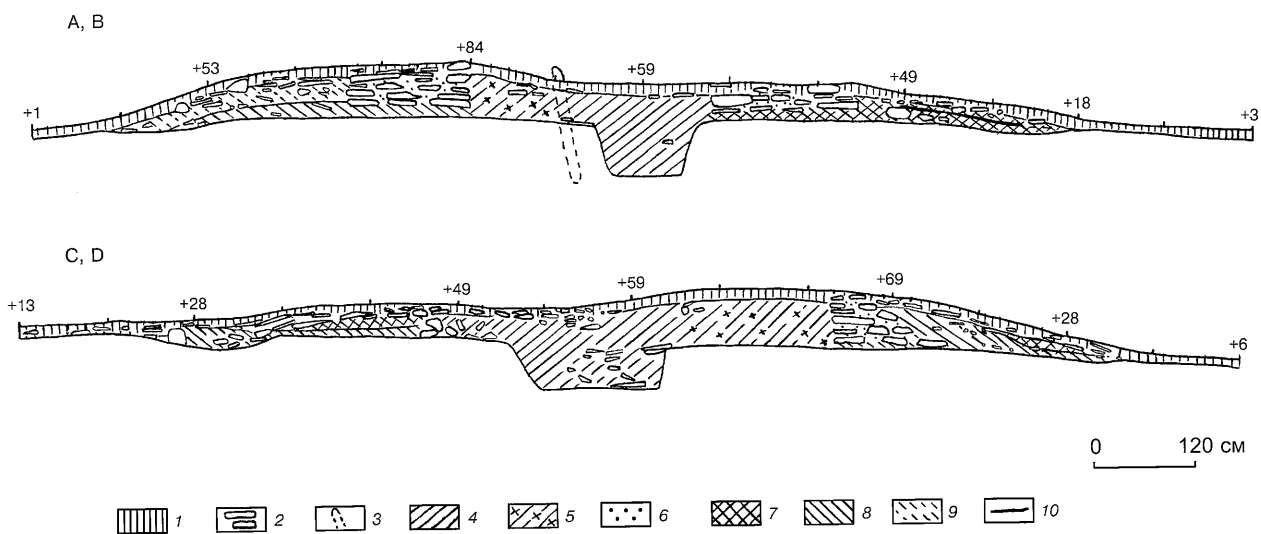

Рис. 6. Профили сооружения с изваяниями на Жинишке.

1 – дерн, 2 – камни, 3 – изваяние, 4 – пестроцветные отложения (смесь светло-коричневого, серого, темно-серого), 5 – рыхлые пестроцветные отложения, 6 – серовато-коричневое заполнение между камнями, 7 – темно-серая прослойка, 8 – серо-коричневый насыпной слой, 9 – светло-серый насыпной слой, 10 – черная прослойка.

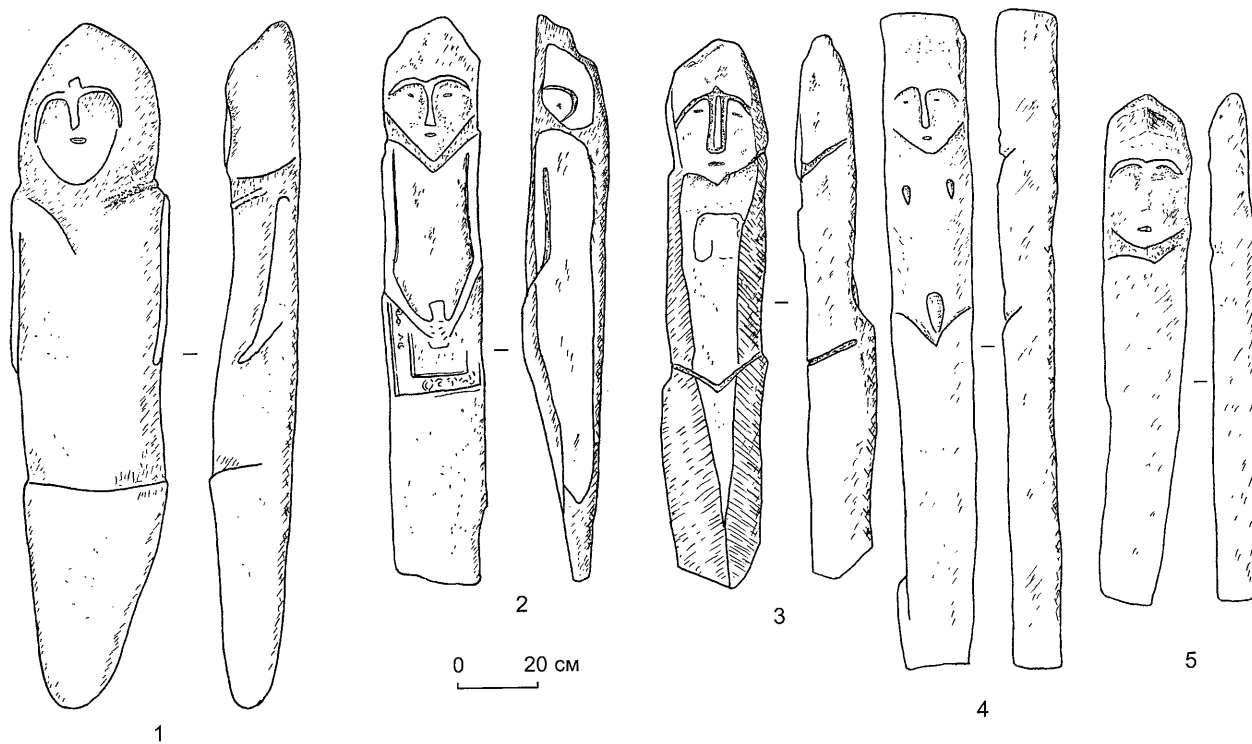

Рис. 7. Изваяния 1(1), 2(2), 3(3), 4(4), 5(5) из святилища на Жинишке.

Изваяние 4 (рис. 7, 4). Гранит. Размеры: $176 \times 23 \times (13 - 16)$ см. Изображение головы и женских признаков пола на торсе. Черты лица стилизованы. Выступающая плоскость верхней части головы, ограниченная линиями бровей, переходит в барельеф носа.

Рельефны также овал губ и нижние очертания лица. Глаза обозначены узкими углублениями. Верхняя часть головы высокая, прямоугольная. На торсе каплевидными выступами обозначена грудь и женский половой орган. Ниже высечена линия бедер (пах).

Изваяние 5 (рис. 7, 5). Гранит. Размеры: $137 \times 23 \times 12$ см. Изображение головы человека. Черты лица стилизованы. Брови и нос образуют единый невыразительный барельеф. Рот передан углублением. Высокий верх головы имеет стрельчатую двугранную форму. По нижним очертаниям лица проходит выемка.

Культовое сооружение на Жинишке, судя по устройству, является кыпчакским святилищем типа 1. Святилища этого типа представляют собой “курган”, содержащий в насыпи мощную каменную ограду с изваяниями внутри [Ермоленко, 1991, с. 13]. Кыпчакские святилища типа 1 обнаруживают сходство с половецкими святилищами на нижнем Дону [Гуркин, 1987]. В последних деревянные* (реже каменные) статуи устанавливались в глубокой яме, вырытой в кургане предшествующего времени. Яму с изваянием (изваяниями) засыпали, и она, таким образом, оказывалась под курганной насыпью**.

Изваяния из святилища на Жинишке относятся к скульптуре кыпчакской группы, бытовавшей в Среднеазиатско-Казахстанском регионе в IX – XIII вв. Об этом свидетельствует их иконография, в частности, характерные разновидности канонической позы [Ермоленко, 1991, с. 12]. Причем изваяние человека с сосудом в обеих руках (изваяние 2) и изваяния без обозначенной позы (изваяния 3 – 5) обнаружены стоящими вместе в других кыпчакских святилищах [Ермоленко, Курманкулов, 1992, с. 119]. Что касается позы человека, запечатленного в изваянии 1 (руки опущены вдоль тела), то она иногда, хотя и редко, получает воплощение в кыпчакских статуях [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 14(2); Чариков, 1980б, рис. 2, 5]***.

Показательно для кыпчакской скульптуры изображение признаков пола, как это имеет место на изваяниях 3 и 4 [Ермоленко, 1991, с. 15]. Черты лица изваяний 1 – 5 стилизованы приемами, характерными для

* В Центральном Казахстане в кыпчакском святилище типа 2 зафиксированы ямки с остатками некогда установленных в них деревянных объектов, по предположению А.З. Бейсенова и Д.А. Кожакова, деревянных изваяний [Бейсенов, Кожаков, 2001, с. 162 – 163].

** Общим элементом жинишкинского сооружения и некоторых половецких святилищ на нижнем Дону является также ровик.

*** На изваянии в предгорьях Коктау (Семиречье) руки изображены в подобном положении, но при этом на торсе высечен сосуд [Чариков, 1980б, рис. 2, 12].

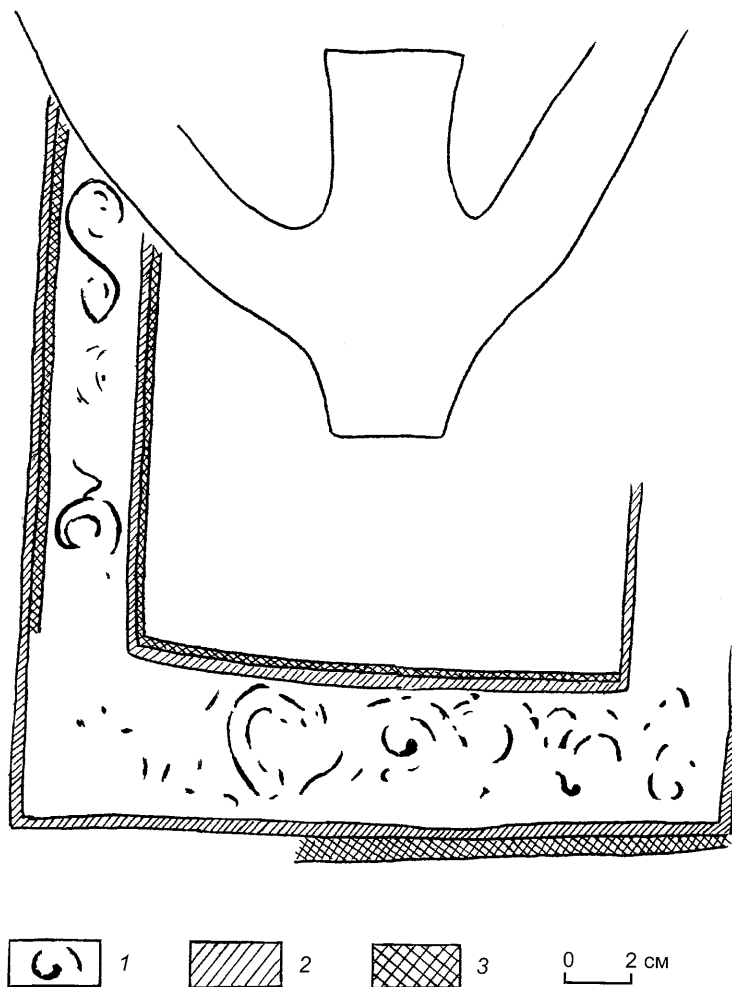

Рис. 8. Деталь изваяния 2 (передник, нарисованный красками).
1 – красный, 2 – черный, 3 – желтый цвет.

скульптуры кыпчакской группы [Там же, с. 10 – 11]. Аналогии сосуду, воспроизведенному на изваянии 2, можно найти на кыпчакских изваяниях в Южном и Центральном Казахстане [Шер, 1966, табл. XXVI, 124; Чариков, 1980а, рис. 3, 8]. Фигурное оформление верхней части голов изваяний 1 – 5 (недифференцированный головной убор) также обычно для кыпчакской скульптуры [Чариков, 1979, рис. 6, 7].

Рассматриваемые изваяния, подобно прочим кыпчакским, крайне бедны деталями. Основное внимание уделялось проработке головы, вернее, лица. Для изготовления их были использованы четырехгранные каменные глыбы, напоминающие по очертаниям человеческую фигуру. Поверхность камня обрабатывалась только в области лица и торса (немногочисленные детали). Тыльная сторона изваяний, а нередко и боковые грани оставались нетронутыми. Все выглядит так, как будто исходный монолит представлялся идолом, а ваятель лишь способствовал

выявлению его облика. Перечисленные признаки сближают кыпчакские изваяния с традиционной скульптурой.

Из всех изваяний святилища на Жинишке необычно только раскрашенное изваяние 2. Оригинальна и нарисованная деталь одежды – передник. Такой же неорнаментированный передник (?) изображен на одном изваянии в Сандыкском кыпчакском святилище [Новгородова, 1989, табл. VII, 22]. Что касается узора, то волютообразный орнамент, подобный изображенному на изваянии 2, украшает одежду одного из половецких изваяний [Плетнева, 1974, табл. 81, 1291].

Статуи из святилища на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний

Остатки раскраски на изваянии 2 наводят на мысль о том, что статуи в изучаемом святилище (и кыпчакские изваяния вообще) в древности могли выглядеть иначе. Здесь мы сталкиваемся с проблемой реконструкции первоначального облика древних антропоморфных изображений, сформулированной в середине 60-х гг. XX в. М.П. Грязновым [1964]. Имея в виду трипольские статуэтки, он писал: “Мы, археологи, часто забываем о том, что в наши руки редко попадают древние вещи в своем первоначальном виде. Обычно мы имеем дело только с той частью предмета, которая не подвержена разрушительному действию времени. Мы же об этом забываем и часто не делаем даже попыток восстановить предмет в его первоначальном виде, дополнить его недостающие утраченные части” [Там же, с. 73].

Изображение одежды в нижней части изваяния 2 сохранилось благодаря тому, что фигура была засыпана землей. Между тем на других изваяниях следов краски не обнаружено. Это объясняется, например, тем, что изваяния 3 – 5 в возобновленном святилище какое-то время стояли открыто (жертвенная яма была вырыта вплотную к ним). Иное дело изваяние 1. Если бы его нижняя часть была раскрашена, то следы краски могли сохраниться. Однако изваяние 1, как и изваяние 2, ассоциируется с образом одетого человека, т.к. на головах обоих угадывается недетализированный убор. Поскольку на изваяниях 1 и 2 показаны руки, то естественно предположить, что головным убором одежда не ограничивалась. Цветное изображение передника на изваянии 2 – тому подтверждение. Фрагмент рельефной полосы и поперечный выступ на передней стороне изваяния 1, кажется, намечают верхний и нижний края платья, о покрое которого судить невозможно.

Однако была ли одежда, показанная на изваянии 1, лишена формы, деталей и цвета? И могла ли кыпчакская скульптура изначально быть монохромной (ахроматической)? Нам представляется, что восприятие мо-

нохромного пластического образа более свойственно современному человеку, чем древнему, поскольку оно предполагает абстрагирование от цвета натуры. Для человека естественно создавать расцвеченные вещи, потому что он ощущает окружающий мир в цвете. Древние полагали цвет присущим предмету. Об этом свидетельствуют, например, сохранившиеся образцы расцвеченной скульптуры древних цивилизаций – египетской, греческой, римской, индийской, китайской и т.д. Иное дело, что большинство дошедших до нас древних изваяний обесцветились. В таком виде античные статуи стали образцом для искусства эпохи Возрождения и, вероятно, прообразом современной монохромной скульптуры. А.Ф. Лосев считал, что в возникновении ахроматической скульптуры нового времени “несомненно, сыграла решающую роль *новоевропейская потребность представлять себе материю как нечто абстрактное и бесцветное* (курсив мой. – Л.Е.)” [1974, с. 416]. Показательно, что современная культовая скульптура, равно как и традиционная, иногда расцвечивается. Ведь культовые и традиционные изображения – суть не отвлеченные художественные образы, но существа идеального мира.

Приведенные факты как будто подтверждают наши сомнения в том, что одежда человека, запечатленного в изваянии 1, была “бесцветной”, хотя и не раскрашивалась. Известно, что такую одежду иногда изготавливали из других, нежели тело, материалов. Так, обнаженные части статуи Зевса Олимпийского работы Фидия были сделаны из слоновой кости, тогда как одежда из золота. Во времена Римской империи на статуи надевали бронзовую, иногда позолоченную одежду или одеяние из драгоценных камней [Там же, с. 402]. Одежда на изваяниях могла быть натуральной. Гречанки на Панафинеях ежегодно приносили в дар Афине пеплос. Он предназначался для древнего идола богини и, по мнению Н. Брагинской, восходил к тому времени, когда идола по праздникам одевали в новую одежду [1979, с. 24]*. На Бычьем форуме в дни триумфов на статую Меркурия надевали одежду триумфатора [Там же]. Видимо, одежду должны были надевать на древнегреческие акролифы – деревянные статуи с каменными конечностями. Ее надевали на архаичную “статуу” Диониса, запечатленную на аттических вазах [Акимова, Кифишин, 1994, с. 197, ил. 24]: “Здесь не изображен антропоморфный бог, только маска повешена на столбе; иногда это две маски, янусообразно смотрящие в обе стороны; вокруг столба обвязано одеяние – грубый намек на тело, однако без рук и ног...” [Burkert, 1972, S. 260].

* Ср.: “приклады” у сибирских народов. В хантыйском фольклоре дух-хозяйка дома гневается на то, что ей “не по росту” сшили одежду [Новик, 1994, с. 147].

Проблему одевания античных изваяний ставит Н. Брагинская: “Стоит обратить внимание и на то, что древние статуи – это костюмированные статуи. Современному человеку, привыкшему восхищаться скульптурной красотой античных торсов, нужно сделать большое усилие, чтобы представить себе, что очень многие статуи, в том числе и весьма знаменитые, храмовые, были костюмированными куклами, а вся работа скульптора вообще была не видна” [1979, с. 24]*.

Известны случаи одевания современных культовых статуй, например, в монгольских монастырях, в пагоде-храме непальского святилища Муктинатх и т.д. Натуральная одежда характерна для традиционной скульптуры. Любое произведение традиционной антропоморфной скульптуры, по сути дела, – кукла, т.к. состоит из “тела” и одежды. Тело необходимо было облечь в его вещную оболочку – одежду, без которой оно не мыслилось сущим [Леви-Брюль, 1994, с. 258]**.

Традиционная скульптура народов Сибири представляет неисчислимое множество примеров одевания изображений в специально сшитую одежду или символического одевания путем завертывания в ткань, мех и пр. [Иванов, 1970, с. 283, рис. 8; 9; 10, 2; 28; 37; 58; 66; 144; 120; 152 и др.; 1979, рис. 22, 34, 82, 152, 158 и др.; Гемуев, Сагалаев, 1986, рис. 25, 26, 30; и т.д.]. С.В. Иванов видел в этом проявление “первобытного натурализма” [1979, с. 159]. Не случайно С.И. Вайнштейн обнаружил в традиционной сибирской скульптуре “неожиданно яркие аналогии” кокзельским деревянным фигуркам гунно-сарматского времени, на которых сохранились остатки одежды и обуви [1974, с. 37, 39].

Из сказанного следует, что на изваяние 1 могло быть надето какое-то платье (см. также: [Ермоленко, 1991, с. 5; 1994, с. 157, 163, прим. 3]), как и на деревянные изваяния из аналогичных половецких святилищ, о чем свидетельствуют сохранившиеся на двух из них остатки ткани [Гуркин, 1987, с. 108]. Изваяния с остатками ткани (кург. 12 Новоаксайского и кург. 7 Тузлуковского могильников) изображают человека с сосудами в обеих руках. Не исключено, что детали изваяний лишь угадывались под тканевыми одеяниями***.

* Н. Брагинская отмечает, что со статуями обращались как с живыми, их «не только умывали, подкрашивали, наряжали, увенчивали цветами, но и “раздушивали” (умащали благовониями. – Л.Е.» [1979, с. 24].

** Ср.: в русском фольклоре значимость одежды описывается так: “Тело нагое – то же мертвое” [Былины..., 1988, с. 66].

*** Как в случае завертывания в тканевые одежды буддийских статуэток и статуй у современных монголов [Jis], 1960, Abb. 28, 52].

Исследователи высказывали предположения об одевании схематичных каменных древнетюркских изваяний. Л.Р. Кызласов считает, что древние тюрки во время поминок надевали одежду умершего на стелу (или схематичное изваяние), стоящую с восточной стороны оградки [1964, с. 350]. Подобного мнения придерживался также Г.А. Федоров-Давыдов: “Примитивная каменная фигура с едва намеченной антропоморфностью и схематически выгравированным лицом, – писал он, – замещает реального покойника, ей приписывают свойства живого существа и с ней обращаются как с конкретным человеком – поят, кормят и одевают” [1976, с. 92].

Характерно, что древние каменные изваяния, сделавшиеся объектом современного почитания, одевают так, как того требует традиционное восприятие антропоморфного изображения. А.В. Адрианов, осмотревший в 1881 г. изваяние “Чингисхан” в Туве, отмечал, что на нем были надеты шапка и рубаша из миткаля [Дэвлет, 1990, с. 47]*.

В 1976 г. В.Е. Войтов обнаружил на изваянии в Унгету (Монголия) “сильно выцветшую голубую майку” и ленту вокруг шеи с привязанными к ней лоскутами, металлическими предметами и пряжами конских волос [1987, с. 107, прим. 15]. Майка, естественно, была надета поверх сложенных на груди рук. В Монголии в местности Диваджин газар до конца 20-х гг. XX в. существовало изваяние Даян Дерхе – мифического шамана или богатыря. По описаниям информаторов, оно представляло собой камень высотой в рост человека, обернутый шелком [Галданова, Жуковская, Очирова, 1987, с. 54]. Нечто подобное известно у нганасан, почитавших *койка* – камни, наподобие человеческой фигуры. *Койка* имели “одежду” – шкуру домашнего оленя, которую раз в три года заменяли новой [Грачева, 1977, с. 220].

Частично одетым, по нашему мнению, было и изваяние 2. Очевидно, что грубо оббитый верх головы, скорее, служил болванкой для натурального убора, чем основой для его изображения краской. Подобное сочетание натуральной и нарисованной одежды на изваянии “Чингисхан” засвидетельствовал А.В. Адрианов. На шапке красной краской были выведены “кружки и маски”, а на рубахе – ребра. Кроме того, “вся статуя была выбелена, усы, головной убор, брови и глаза вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом; на груди разрисованы красной краской соски и самые груди, и выемка на горле” (цит. по: [Дэвлет, 1990, с. 47]). Заметим, что спустя столетие от красок и прочего не осталось следа. В 1977 г. М.А. Дэвлет удалось рассмотреть лишь “слаборазличимые следы красной краски” [Там же, с. 48].

* Описывая внешний вид изваяния, А.В. Адрианов не упоминает о руках и сосуде, видимо, заслоненных рубахой.

В отличие от изваяний 1 и 2, на изваяниях 3 и 4 не показаны руки. На их торсах высечены признаки женского пола. Но головы их покрыты. На изваянии 3 обобщенно воспроизведен островерхий, а на изваянии 4 – плосковерхий высокий убор. Если допустить, что изваяния дошли до нас в изначальном виде, то они изображали безруких обнаженных женщин в головных уборах. Однако именно “безрукость” изваяний в сочетании с детализированностью торса позволяет видеть в них “кукол”, поскольку руки статуи могли быть образованы рукавами платья. В связи с данным предположением уместно привести доводы М.П. Грязнова в пользу одевания трипольских статуэток – также безруких обнаженных фигурок. М.П. Грязнов пришел к выводу, что трипольские статуэтки – это “своего рода манекены, куклы или болванки”, которых в древности одевали [1964, с. 77]. Он исходил из того, что, во-первых, древние создавали антропоморфные изображения духов, идолов, богов по своему образу и подобию, “как правило, подобно реальным людям в одежде, которая обычна для данного народа или племени или которая употреблялась ими в старину” [Там же, с. 72]; во-вторых, эти изображения могли частично состоять из недолговечных материалов [Там же, с. 74].

Косвенным подтверждением предположения об одевании кыпчакских изваяний с обозначенными признаками пола являются половецкие статуи. На половецких изваяниях с признаками пола также показана одежда. Н.И. Веселовский писал об этом: “Мастер, по наивности, выставляя напоказ груди, имел в виду оттенить пол статуи, а не ее обнаженность” [1915, с. 29]*. Вероятно, создателям половецких изваяний было важно изобразить и то, и другое (и пол, и одежду), но они должны были сделать это на одной и той же поверхности камня средствами рельефа, гравировки и, видимо, раскраски.

Детализированный реалистичный облик половецких каменных изваяний позволяет предполагать расцвечивание деталей (краской, металлическими накладками). О возможности раскрашивания некоторых половецких статуй пишет С.А. Плетнева [1974, с. 58]. Наиболее совершенные из древнетюркских изваяний, по мнению В.Д. Кубарева, тоже могли раскрашиваться. “Особенно реалистичные фигуры Алтая, Тувы и Монголии – пишет он, – выполнены из известняка или мрамора белого цвета. Изображения предметов на них почти не различаются, сливаются с фоном камня. Возможно, они были раскрашены в древности, передавая всю цветовую гамму богатого костюма знатных тюрков. Причем цвет красок легко восстановить, опираясь на изображение тюрков и согдий-

* Ср. изображения груди и ребер на рубахе, надетой на изваяние “Чингисхан”.

цев в стенных росписях Пенджикента и Афрасиаба” [1984, с. 82]. В подтверждение своего предположения В.Д. Кубарев привел сообщение алтайского сказителя Калкина о виденном им в глухой тайге каменном изваянии воина, “опоясанного золотым поясом” (ср.: золотые пластины на щеках и губах “Чингисхана”). На одном боку изваяния была изображена красная сумка (или кожаный сосуд), на другом висело оружие в золотых ножнах. В рассказе Калкина, считает В.Д. Кубарев, могут быть отражены “реальные сведения о древнем обычае раскрашивания каменных статуй” [Там же, с. 83]. Добавим, что рассказ может служить иллюстрацией традиционного восприятия антропоморфных изображений, само собой разумеется, расцвеченных.

Таким образом, изваяния 1 – 4, по всей видимости, некогда были одетыми (изваяние 2 – частично). То же можно предположить и относительно изваяния 5. Последнее вполне подходит под определение “куклы”. У него детализировано только лицо, причем верхней части головы придана форма убора. Остальную часть изваяния можно соотнести с символизирующей тело болванкой для одежды. Вместе с тем лица на изваяниях 1 – 5, по логике вещей, также могли расцвечиваться.

Заключение

Культовое сооружение на Жинишке является кыпчакским святилищем типа 1 со скрытыми в насыпях изваяниями. По иконографическому облику все пять изваяний святилища относятся к кыпчакской группе (IX – XIII вв.). Так же, как аналогичные половецкие сооружения, кыпчакские святилища типа 1 недолго функционировали, если вообще функционировали, в открытом виде [Гуркин, 1987, с. 107; Ермоленко, 1994, с. 158 – 159]. Л.Н. Ермоленко предполагает, что ритуал сокрытия изваяний под насыпями актуализировал миф о рождении предка в горе/дереве. Подобный миф существовал у средневековых уйгуров и лег в основу легенды о рождении Кипчака, изложенной Рашидадином [Ермоленко, 1994, с. 160 – 163]. Примечательно, что топоситуация святилища на Жинишке, сооруженного в месте слияния двух рек, совпадает с мифической. Изменение конструкции сооружения при вторичном его использовании имело целью обеспечить доступ к трем изваяниям ради их почитания. Перед фигурами был разобран участок стены ограды, вплотную к ним вырыта жертвенная яма.

Раскрашенное изваяние 2 из неперестроенной части святилища подтверждает предположение некоторых исследователей о том, что средневековые кочевнические изваяния могли раскрашиваться. Анализ изобразительных особенностей данного и других из-

ваяний святилища позволяет заключить, что на них была надета и натуральная одежда. Средневековые кочевнические изваяния, близкие по своим характеристикам к традиционной скульптуре, очевидно, не были и не могли быть ахроматическими изображениями также в силу специфики исторического сознания их создателей. В ходе дальнейших раскопок кыпчакских святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями, вероятно, будут получены новые данные для реконструкции первоначального вида изваяний.

Список литературы

- Акимов Л., Кифишин А.** О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье: Язык. Археология. Искусство: Материалы Международного colloквиума. Москва, 9 – 11 апреля 1990 г. XXIII Вишперовские чтения / Под общ. ред. Л.И. Акимовой. – М.: Б.и., 1994. – С. 167 – 244.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А.** Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 3. – С. 220 – 234.
- Бейсенов А.З., Кожакон Д.А.** Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд “Родничок”; Фонд “XXI век”, 2001. – Вып. 2. – С. 150 – 164.
- Брагинская Н.** Театр изображений // Декоративное искусство СССР. – 1979. – № 4 (257). – С. 24 – 27.
- Былины и песни Алтая: Из собраний С.И. Гуляева / Сост. Ю.Л. Троицкий.** – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. – 392 с.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Веселовский Н.И.** Современное состояние вопроса о “каменных бабах”, или “балбалах”. – Одесса: Б.и., 1915. – 39 с.
- Войтов В.Е.** Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва “Наука”, 1987. – С. 92 – 109.
- Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н.** Культ Даян Держе в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 52 – 64.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культурные места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Грачева Г.Н.** Традиционные культы нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сб. МАЭ. – 1977. – Т. 33. – С. 217 – 228.
- Грязнов М.П.** О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археологический сборник. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. – Вып. 6. – С. 72 – 78.
- Гуркин С.В.** Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4. – С. 100 – 109.
- Дэвлет М.А. А.В.** Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. – С. 41 – 64.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные антропоморфные изваяния казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1991. – 22 с.
- Ермоленко Л.Н.** О семантике средневековых святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 157 – 165.
- Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К.** Новый вид сооружения с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: Б.и., 1985. – С. 137 – 161.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.** Центральноказакстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения. – Петропавловск: Б.и., 1992. – С. 116 – 119.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XIX – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Кастанье И.А.** Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург: Б.и., 1911. – 102 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кызласов Л.Р.** [Рецензия] // СА. – 1964. – № 1. – С. 349 – 355. Рец. на кн.: А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953 – 1960 гг.). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1964. – 95 с.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
- Лосев А.Ф.** О специфике эстетического отношения античности к искусству // Эстетика и жизнь. – М.: Искусство, 1974. – Вып. 3. – С. 376 – 421.
- Новгородова Э.А.** Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Уч. зап. Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники). – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва “Наука”, 1989. – С. 136 – 176.
- Новик Е.С.** Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С.А. Токарева. – М.: Издат. фирма “Вост. лит-ра” РАН, 1994. – С. 110 – 163.
- Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния // САИ. – 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.
- Чариков А.А.** О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. – 1979. – № 2. – С. 179 – 190.
- Чариков А.А.** Группа скульптур из Джамбула // СА. – 1980а. – № 3. – С. 301 – 307.
- Чариков А.А.** Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980б. – С. 213 – 234.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Jisl L.** Mongolei: Kunst und Tradition. – Praha: Artia, 1960. – 146 S.
- Burkert Valter.** Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1972. – 356 S.

Е.Н. Черных*Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: chernykh.e@g23.relcom.ru*

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ: КАРГАЛИНСКИЙ ЦЕНТР

Введение

Каргалинский древний медно-рудный и горно-металлургический центр (Каргалы) на Южном Урале (рис. 1) представляет собой гигантский и, вне всякого сомнения, уникальный комплекс. Подобное заключение становится совершенно очевидным при его сопоставлении не только с соседними, но и с весьма отдаленными древними горно-рудными центрами, разбросанными по безбрежным пространствам всей северной (пожалуй, и не только северной) половины Евразийского континента. Феномен Каргалинского комплекса обусловлен совокупностью ярких признаков; упомянем здесь лишь важнейшие*:

– чрезвычайно большая площадь оруденения, суммарно до 500 км²; с точки зрения геологических дефиниций, Каргалы относятся к категории обширных рудных полей;

– практически все поверхностные выходы руд или же рудные тела сравнительно неглубокого залегания были выявлены еще в ранней древности; открытие и начало широких разработок каргалинских руд датируются IV или же рубежом IV – III тыс. до н.э. (ранний бронзовый век); пик этой активности приходился на эпоху поздней бронзы (II тыс. до н.э.);

* Каргалинская экспедиция проводила свои комплексные исследования в течение десяти лет (1990 – 1999 гг.). За это время ею добыто огромное количество материалов самого разнообразного характера. Более или менее полная и подробная их публикация потребует, по оценкам сотрудников экспедиции, пяти томов. Поэтому в настоящей статье мы сможем – к тому же весьма лаконично – осветить лишь некоторые из важнейших аспектов проведенных изысканий.

– громадный объем древних и старинных горно-проходческих работ: количество разнообразных следов подобного рода работ (только поверхностных) превышает 30 тыс.;

– общая протяженность подземных выработок равняется, по всей видимости, многим сотням километров;

– максимальная глубина шахт и горизонтальных выработок в бронзовом веке достигала 40 – 42 м, а в XVIII – XIX вв. доходила до 80 – 90 м;

– общий объем извлеченных на поверхность песчаников, мергелей и иных пород оценивается примерно в 100 – 120 млн м³ или же до 250 млн т;

– Каргалы исключительно богаты выразительными археологическими памятниками, в настоящее время известны: 1) до двух десятков селищ II тыс. до н.э. (поздний бронзовый век); 2) четыре курганных некрополя, в которых исследованы захоронения раннего и позднего бронзового века, а также отдельные надмогильные курганы; 3) памятники, отражающие первые шаги российской меднорудной и медеплавильной промышленности (XVIII в.);

– масштаб добычи медных руд в бронзовом веке поразительно велик, хотя оценка совокупной массы добытых медных минералов и колеблется в широких границах: от 2,5 до 5 млн т;

– огромное количество выплавленной в эпоху бронзы из каргалинских руд меди; ее общий вес, по всей вероятности, может варьировать также в широком диапазоне: от 55 – 60 до 100 – 120 тыс. т;

– каргалинская медь в бронзовом веке распространялась по обширнейшим пространствам степей и лесостепей Восточной Европы, максимальный ареал ее распространения мог достигать 1 млн км²;